

АНТИТЕЗИСЫ К ТЕЗИСАМ

(О статье Л. С. Перепелкина, О. И. Шкаратана

«Экономический суверенитет республик

и пути развития народов»¹) *

Статья Л. С. Перепелкина и О. И. Шкаратана ** дает нам очередной повод подумать и поспорить о некоторых важных теоретических вопросах развития советского многонационального общества. Статья стоит этого даже в большей степени, чем предыдущая публикация авторов², вызвавшая довольно резкую реакцию оппонентов³. На сей раз они попытались изложить не только свои взгляды на экономические аспекты национального вопроса, но и подвести под них этнолого-теоретическую базу. В результате получилась достаточно целостная концепция — ошибочная, на мой взгляд, тоже в целом.

Продолжить полемику меня побуждает тот факт, что в своей увлеченности практическими национально-политическими проблемами мы не только несколько подзапустили теорию, но и зачастую строим теоретические концепции, исходя прежде всего из собственных политических убеждений и вкусов. Не буду претендовать на исключение из этого уже почти правила, но не стану и делать вид, что усматриваю в статье «Экономический суверенитет республик» плоды лишь научной мысли, свободной от политической заданности. Надеюсь, авторы не очень обидятся за это предположение, поскольку и они сами склонны проявлять политическую бдительность. Так, Ю. В. Бромлей они упрекают за то, что он, отставив права областей РСФСР, якобы оправдывает «командно-административные методы управления» (с. 35), хотя именно Ю. В. Бромлей неоднократно высказывался за самостоятельность предприятий и против замены диктата союзных ведомств диктатом республиканских ведомств. Инкриминируя оппонентам подмену проблемы развития национальных культур проблемой их воспроизводства, авторы утверждают, что такая подмена «имеет однозначную тенденцию (видимо, имеется в виду цель — С. Ч.) снять с повестки дня вопрос о республиканском суверенитете» (с. 36). Нисколько не сомневаюсь в том, что О. И. Шкаратану и Л. С. Перепелкину известен смысл термина «воспроизводство», который может означать (применительно, например, к экономике, народонаселению) и «простое воспроизводство», и «расширенное воспроизводство». Когда же говорят об этнокультурном воспроизводстве, то имеют в виду межпоколенное воспроизводство культурной специфики этноса, т. е. самого явления, а не его количественных параметров. С качественной стороны дела тоже не все так просто. Этническое развитие народа — это не только воспроизводство и модификация традиционной для него культуры, но и усваивание заимствований, которые в результате превращаются в традиции; прежние же этнические традиции могут исчезать. Иными словами, термин «этнокультурное воспроизводство» — уже и точнее термина «этническое развитие», отражающего все аспекты культурного развития этноса. О. И. Шкаратан и Л. С. Перепелкин внесли в этот, достаточно ясный вопрос ненужную путаницу.

К сожалению, есть и другие случаи неточной интерпретации О. И. Шкаратаном и Л. С. Перепелкиным некоторых фактов и понятий. Например, они сожалеют, что «ленинский принцип союза национальных государств не получил в СССР должного развития» (с. 32). В который уже раз приходится констатиро-

* Публикуя статью С. В. Чешко и ответ Л. С. Перепелкина, редакция приглашает всех желающих принять участие в обсуждении поднимаемых в них проблем.

** Все ссылки на статью Л. С. Перепелкина, О. И. Шкаратана даются в тексте с указанием страниц.

вать, что из В. И. Ленина делают совсем не то, чем он был. Раньше его именем оправдывали сталинизм, брежневизм и т. п., а теперь — национализм (как национальную идею). Между тем Ленин вовсе не выдвигал принцип национальной государственности. Он всегда был сторонником союза трудящихся, а при создании СССР имел в виду союз советских республик, а не нескольких статусных наций.

Вызывает удивление то, что специалисты, а тем более специалисты, занимающиеся проблемами Средней Азии, категорично утверждают, что «в СССР не только сохранились, но и возросли сильные различия в уровнях социально-экономического развития республик» (с. 32).

Порочность патерналистской политики государства, о чем пишут авторы, очевидна. Невозможно тем не менее игнорировать радикальные изменения в развитии производительных сил, социальной структуры, культуры некогда отсталых народов. Хотелось бы также ознакомиться с объективными данными, из которых явствует, что, например, по уровню социально-экономического развития Узбекская ССР отстает от РСФСР больше, чем, например, дореволюционная Хива отставала от центральных губерний страны: именно это, насколько я понимаю, имели в виду авторы.

«И критические замечания, и некоторые конкретные предложения наших оппонентов, — пишут авторы, — странным образом исходят из того недоказанного предположения, что современные народы прошли этап „зрелости“ и вступили в фазу „старения“ или готовы добровольно пожертвовать своей национальной государственностью ради, скажем, прироста благосостояния или помощи другим народам на основе так понимаемого интернационализма» (с. 39). Ничего похожего ни по форме, ни по содержанию на эту мысль в моей статье, как и в статьях Ю. В. Бромлея и В. А. Тишкова, просто нет, а что касается указанных фаз развития этноса, то о них пишут именно наши критики, да еще Л. Н. Гумилев.

Вполне объяснима всеобщая неприязнь к понятию «унитаризм»: общественное мнение у нас формируют, как правило, дилетанты. Но от специалистов требуется все же нечто большее, чем солидарность с «гласом народа». Это нечто большее О. И. Шкаратан и Л. С. Перепелкин стараются демонстрировать, обращаясь по тому или иному поводу к справочной литературе. Исключение было сделано для унитаризма, который они понимают как «насиленный централизм» (с. 32). Однако унитаризм представляет собой не более чем форму государственного устройства, существующую, кстати, в большинстве западноевропейских стран, у которых мы сегодня пытаемся учиться демократии. Если сказать кратко, то унитарное государство — это государство, не имеющее федеративных структур, что, однако, не отрицает, а предполагает наличие широкого местного самоуправления⁴.

Трудно понять, на чем основывается риторический вопрос «почему вся история XX в. демонстрирует нарастающее стремление народов к созданию по преимуществу мононациональных государств, федерализации унитарных государств (Канада, Бельгия и т. д.), разделения политических сообществ по этническим границам?» (с. 34). На поверку за «и т. д.» скрывается очень мало фактов, а пример Канады вообще выглядит неуместным, поскольку Канада никогда не была унитарным государством. Наличие же в Квебеке франкофонов-сепаратистов отнюдь не свидетельствует о какой-либо тенденции. Остается Бельгия — достаточно ли для обобщений?

На фоне подобных недоразумений не столь серьезными выглядят некоторые другие ошибочные положения статьи, хотя и они, конечно, не идут ей на пользу. Так, авторы основательно заблуждаются, полагая, что распространение коневодства у североамериканских индейцев не повлияло на «системную целостность культуры» (с. 38). Именно повлияло, причем самым радикальным образом. Общества пеших охотников превратились в общества коневодов, сложилась племенная организация, ускоренно пошли процессы имущественного рассло-

ния, степные народы в своем историческом развитии быстро поднялись на ступень военной демократии, сформировались специфические образ жизни и культура индейцев прерий.

Можно ли все эти, мягко говоря, неточности отнести на счет некоторой небрежности авторов? Наверное, отчасти можно. Но почему-то все они как нельзя лучше укладываются в общую концепцию национального вопроса, изложенную в статье «Экономический суверенитет республик». Суть этой концепции заключается, если я правильно понял авторов, в следующем.

СССР был устроен как союз вполне суверенных национальных государств, что соответствовало, в частности, представлениям В. И. Ленина об идеальной модели организации социалистического общества*. Затем произошел отход от ленинских принципов и СССР превратился фактически в унитарное государство — возник тот самый «насильственный централизм». А отсюда — и все беды в судьбах народов СССР. Чтобы исправить положение, необходимо вернуться к государственной системе, которая была создана в 1922 г., и этой задаче полностью соответствуют идеи республиканского суверенитета и самоуправления, или хозрасчета. Таким образом удастся обеспечить свободное поступательное развитие народов, экономическое процветание страны и, видимо, демократизацию общества. Этот путь, по мнению О. И. Шкаратана и Л. С. Перепелкина, соответствует и доминирующим тенденциям мирового исторического процесса.

Согласимся — концепция логичная и стройная, хотя и не оригинальная. По своему происхождению она прямо связана с политическими программами национальных движений в союзных республиках СССР. Заметим попутно, что идея первичности и приоритетности интересов союзных республик, являющаяся главным звеном этой концепции, пользуется гораздо меньшей популярностью в автономиях, в среде «бесстатусных» народов и этнических меньшинств, а нередко вызывает у них резкое неприятие. Эта идея используется в некоторых союзных республиках для противодействия национальным требованиям этнических меньшинств. Интересно, что такие требования квалифицируются как посягательство не только на суверенитет соответствующих союзных республик, но и на дружбу народов и принцип интернационализма. Тот самый принцип, о котором стараются не вспоминать, когда речь заходит о соотношении интересов «статусных» народов союзных республик и Советского Союза в целом. К чему все это ведет, уже успели убедиться, например, армяне Нагорного Карабаха, гагаузы Молдавии, поляки Литвы, абхазы Грузии.

Вернемся к вопросу об унитаризме и о понимании государственного устройства как о способе организации общественных связей. Выше я пытался показать, что авторы не видят различий между государственным устройством (в частности, унитаризмом) и политическим режимом (условно говоря, насильственный или ненасильственный, демократический или недемократический). Взаимосвязи территорий в рамках государства далеко не тождественны общественным взаимосвязям, т. е. отношениям между индивидами или группами индивидов. Полагаю, я не делаю тем самым открытий в обществоведении, а лишь напоминаю известные вещи. Если, например, обратиться к работам В. И. Ленина, то можно обнаружить, что он четко различал общественный строй, формы государства (монархия или республика, аристократия или демократия) и формы государственного устройства (централизм, федерализм)⁵. Нет между ними и прямой взаимосвязи типа: чем более дробная структура государственного устройства, тем демократичней общественный строй. Что касается взглядов В. И. Ленина, то он высказывался на этот счет неоднократно и очень ясно. «Бернштейну, — писал, например, он, — не может прийти в голову, что возможен

* Авторы не называют СССР в его первоначальном виде федерацией и правильно поступают. Федерация ни в коем случае не может считаться союзом суверенных государств, что бы ни говорилось по этому поводу в действующей Конституции СССР или сторонниками независимости союзных республик.

добровольный централизм, добровольное объединение коммун в нацию, добровольное слияние пролетарских коммун в деле разрушения буржуазного государства и буржуазной государственной машины. Бернштейну, как всякому филистеру, централизм рисуется, как нечто только сверху, только чиновничеством и военщиной могущее быть навязанным и сохраненным»⁶. В. И. Ленин, так же как К. Маркс и Ф. Энгельс, полагал именно централизм наилучшей формой организации демократического общества, хотя и допускал целесообразность федерации в зависимости от конкретных условий. В частности, он соглашался с Энгельсом в том, что переустройство тогдашней Великобритании на федеративных началах было бы прогрессивным шагом, однако уточнял: «Разумеется, тут нет и тени отказа от критики недостатков федеративной республики и от самой решительной пропаганды и борьбы за единую, централистически-демократическую республику»⁷. Написано это было в сентябре 1917 г., но никогда позже Ленин принципиально не пересматривал своей позиции.

Нельзя также смешивать государственное устройство и систему территориального самоуправления. Ф. Энгельс отмечал, что «провинциальное и общинное самоуправление — гораздо более свободные учреждения, чем, например, швейцарский федерализм, где, правда, кантон очень независим по отношению к федеративному государству в целом, но независим также и по отношению к округу и по отношению к общине»⁸. Приводя все эти ссылки, я не буду доказывать преимущества тех или иных форм организации общественной жизни: это совсем другой вопрос, и решаться он должен сообразно конкретной эпохе и ситуации в конкретной стране. Но прежде чем браться за практическое преобразование общества, необходимо ясно понимать смысл тех политических категорий, которыми мы оперируем.

Ряд положений статьи О. И. Шкаратана и Л. С. Перепелкина свидетельствует также о том, что авторы неоправданно расширяют функции государства и роль государственного устройства в области экономики. Так, в статье сказано, что «существуют две основные формы организации экономических взаимоотношений между народами в условиях интернационализации экономики: унитаризм и интеграция» (с. 42). Под «государственными формами экономической интеграции» авторы понимают союз государств (конфедерацию) и союзное государство (федерацию) (с. 44),* а «унитаризм экономической жизни предполагает существование единого центра государственной власти» (с. 42).

Никто не возьмется отрицать тот факт, что государство играет определенную, нередко даже очень большую роль в организации экономики. Вообще разграничить функции различных общественных структур бывает очень трудно, а в реальной жизни могут устанавливаться взаимосвязи, совершенно невероятные с точки зрения педантичной науки. Хорошо, например, известно, какой «вклад» в экономику нашей страны некогда внес НКВД, из чего, однако, не следует, что непосредственные функции этого учреждения состояли в управлении экономикой. То же самое можно сказать о государстве в целом, если только не считать в порядке вещей происшедшее в свое время практически полное огосударствление экономики в СССР. Насколько я знаю, О. И. Шкаратан и Л. С. Перепелкин так не считают. Непонятно, однако, почему они предполагают, что государство в принципе является институтом организации экономических отношений. И еще менее понятно, почему они рассматривают формы государственного устройства, т. е. устройства политической власти, как принципы организации экономики.

Определение политики как концентрированного выражения экономики, наверное, не устарело, но государство — еще не все политические структуры общества, а лишь его политическая надстройка. Главное же — это то, что политика выражает, а государство защищает экономические интересы определенных

---

* Строго говоря, конфедерация — это форма организации не внутригосударственных, а межгосударственных связей.

групп общества, или, теоретически, всего общества, а не те или иные виды экономических взаимосвязей.

Увязывание форм экономической жизни с формами государственного устройства не оправдано еще и потому, что оппозиции «централизация — децентрализация» применительно к тем и другим не могут быть сопоставимыми, поскольку здесь мы имеем дело с совершенно разными видами общественных структур, различающихся функционально и механизмами функционирования. В экономике «централизация», если уж употреблять этот термин, означает наличие единого, объемлющего всю данную территорию рынка, и чем шире рынок, тем, видимо, лучше для тех и для других. «Децентрализация» же означает не что иное, как отсутствие такого рынка и наличие ряда мелких рынков, против чего, кстати, действуют мировые и региональные интеграционные процессы. С государственными структурами все не так однозначно. Нельзя сказать — полагаю, уважаемые оппоненты первыми возразили бы против этого, — что чем крупней государство, тем лучше в любом случае. Словом, логика развития государственных структур и логика развития экономических структур в принципе не совпадают, хотя в каких-то точках исторического процесса могут пересекаться и не всегда, кстати, ко всеобщему благу. Как раз перед нашей страной, испытавшей все горькие плоды такой (насильственной, между прочим) синхронизации, стоит задача развести эти структуры, освободить законы экономического развития от чрезмерного влияния государства.

В своих размышлениях об экономической интеграции О. И. Шкаратан и Л. С. Перепелкин опираются, в частности, на опыт Европейского экономического сообщества. Придерживающиеся иных взглядов подкрепляют свою позицию тем же опытом. Все дело в том, с какой стороны рассматривать его. Можно, например, так: даже в межгосударственных отношениях экономическая интеграция неумолимо ведет к понижению политических барьеров. А можно и так, как делают О. И. Шкаратан и Л. С. Перепелкин: даже Западная Европа идет к союзу государств (с. 44), почему бы и СССР не идти по тому же пути интеграции? Вторая точка зрения представляет собой логический перевертыш. В самом деле, в случае с ЕЭС происходит не децентрализация единого государства, а политическая, вслед за экономической, интеграция самостоятельных государств. В случае же с СССР предлагается ослабить связи внутри единого государства, и это называется интеграцией! Такой вариант, во всяком случае относительно некоторых союзных республик, возможен, пока существует статья 72 Конституции СССР. И относиться к этому варианту нужно по возможности спокойно, как к конституционному праву каждой республики — окажется ли это в действительности правом на лучшую жизнь или правом прыгнуть с обрыва. Правда, возникнут довольно сложные проблемы защиты права на самоопределение этнических меньшинств, дележа совместно нажитого имущества и т. д. Но не об этом сейчас идет речь, а о том, что дезинтеграцию нельзя преподносить как интеграцию, так называемый республиканский хозрасчет — как выражение тенденций, происходящих в мировой экономической системе.

Очень сомнительно выглядит пассаж о «формах экономических отношений между народами». Авторы употребляют термин «народы» явно в этническом смысле и, значит, говорят об экономических отношениях, скажем, между русским и эстонским или между грузинским и абхазским этносами. Это что-то новое в науке: до сих пор никому не приходило в голову считать этносы экономическими категориями, субъектами экономических отношений. Свою позицию авторы дополнительно проясняют в других местах статьи, к которым мы обратимся чуть позже. А пока отметим еще такое обстоятельство. Говоря об экономических отношениях, О. И. Шкаратан и Л. С. Перепелкин неизменно имеют в виду исключительно экономические взаимосвязи между территориями и народами. При этом из их поля зрения совершенно выпадает основной вопрос —

характер производственных отношений и формы собственности * в контексте данных производственных отношений. По существу авторы подменяют его вопросом о том, кто должен руководить экономикой внеэкономическими средствами: союзное государство или союзная республика. Конечно, они будут решительно протестовать против такой интерпретации их точки зрения, но если они сказали о частностях, не упомянув о главном, то это не вина читателя. Если концепция основывается на частностях и игнорирует главное, то такая концепция, полагаю, ошибочна именно в главном. Перестраивать экономическую систему, сделав упор на рекомбинации экономических взаимосвязей на основе старых производственных отношений, — напрасное занятие. Но если перестроить последние, то, возможно, отпадает необходимость в специальных, осуществляемых сверху, законодательно, насильственно структурных изменениях: а вдруг экономические законы все поставят на свои места естественным путем? И вдруг тогда окажется, что нет никаких экономических отношений между этносами, а есть то, что и должно быть в нормальной экономической системе — отношения между производителем и потребителем?

Дело, однако, в том и заключается, что О. И. Шкаратан и Л. С. Перепелкин склонны, похоже, не только напрямую увязывать этническое развитие с экономическим и наоборот, но и практически отождествлять их. Иным образом я затрудняюсь прокомментировать, например, следующую логическую конструкцию, которую надо привести почти полностью. «Позицию наших критиков, ** — читаем в статье, — не укрепляют такие аргументы, как, скажем, перемещение этнической специфики из материально-хозяйственной сферы в духовную. Действительно, по форме, по проявлению в артефактах этническая (NB. — С. Ч.) специфика как бы исчезает из материальных основ образа жизни современных народов. Но если говорить не о форме, а о содержании процессов, протекающих в экономической (sic. — С. Ч.) жизни современного общества, то вектор имеет скорее обратную направленность: укрепляется именно международное, межкультурное разделение труда, что характерно и для человечества в целом, и для конкретных многонациональных обществ» (с. 39). Не допускаю мысли, что авторы просто пренебрегли логикой. Но тогда получается, что, по их мнению, этническое — это лишь форма выражения экономической жизни. Что ж, такой подход вполне традиционен для целых отраслей советского обществоведения (прежде всего для так называемой историко-партийной науки), и каждый ученый волен выбирать приемлемую для него методологию. Правда, остается неясным, почему «спиритуализация» этнической культуры должна рассматриваться как процесс, противоположный процессам общественного разделения труда, даже если именовать его международным (межэтническим?) и межкультурным: речь-то идет о совершенно разных классах явлений.

Приведенная выше выдержка из статьи имеет продолжение, из которого явствует, что в современную эпоху наблюдается рост культурной дробности человечества. Этнологам этот вывод может показаться, наверно, несколько экстравагантным, но авторы не только высказывают свое личное мнение, но еще и ссылаются на зарубежные публикации, подчеркивая таким образом его фундаментальность. Но здесь, на мой взгляд, тоже происходит смешение разных понятий и разных явлений. Есть существенная разница между этнической культурой, этнической спецификой (а она может и не проявляться в «артефактах», что все чаще мы наблюдаем в современном индустриальном мире) и специализированными, «прикладными» формами культуры, связанными не с этносами, а с неэтническими (или не столько с этническими) формами общест-

---

* Приходится напомнить, что собственность бывает индивидуальной, коллективной и государственной. Собственность союзной республики — это такая же государственная собственность, как и Союза ССР.

** Авторы статьи здесь имеют в виду те самые рассуждения о «зрелости» и «старении» этносов, которые они приписывают оппонентам.

венной жизни. Под последними я имею в виду политическую культуру, культуру труда, церемониальную культуру дипломатического протокола, культуру хиппи или футбольных болельщиков — те нормы и традиции, которые порождаются всеми мыслимыми видами деятельности. Не берусь судить о подобных культурных процессах, сопровождающих процессы общественного разделения труда, но, думаю, имеются достаточно веские основания утверждать, что доминирующая тенденция в развитии этносов, прежде всего развитых стран, состоит в сближении их культур на основе унификации, а вовсе не в усилении дивергенции.

Представляя себе взгляды авторов и их увлечение тем, что называют этно-экономикой, могу предполагать — но только предполагать — их ответные аргументы. Например, указание на этнические трудовые традиции, а возможно, и на то, что функция этносов (функция родовая, а не какая-либо побочная и необязательная) состоит в участии в общественном разделении труда. Фактически к этому пришла и Т. В. Таболина в своей недавней статье⁹. При таком понимании этноса трудно спорить с выводом авторов статьи о том, что «существование этнических ядер и национальных государств в обозримой перспективе будет играть важную и прогрессивную роль» (с. 39). Однако он предстанет в корне неверным, если признать неправомерным экономизацию этноса и этнизацию экономики.

Такой же выбор придется сделать и при оценке положений статьи о «национальных экономических комплексах», о том, что они несут в себе «непременное условие экономического прогресса как в мировом масштабе, так и в рамках многонациональных государств» (с. 42). Частное замечание: понятие «национальные экономические комплексы» и ему подобные обычно означают совсем не то, что имеют в виду авторы. Национальная экономика Франции или Армении — это не «этническая экономика» французского или армянского этноса, а экономика данных территориальных общностей. Экономикой может обладать государство, регион, общество, но не этнос, который не является ни территориальной общностью, ни обществом как совокупностью образующих его социальных связей. Даже в чисто моноэтничном государстве, а такое надо еще поискать, его экономика — это экономика данной территориально-политической общности, но не данного этноса. Особенно осторожно надо обращаться со всякого рода «национальными» атрибутами при ссылке на зарубежные публикации. Невнимательность в подобных вопросах ведет к подмене понятий, дезинформации читателей и оппонентов.

Сказанное не относится к другому случаю употребления «национальной» терминологии в статье «Экономический суверенитет республик». Полемизируя с В. А. Тишковым, авторы высказывают сомнение в том, что экономическая эффективность должна рассматриваться в качестве приоритетной ценности по отношению к национальным интересам (с. 34). Здесь определенно имеются в виду интересы этносов. Но возникает другой вопрос: если этносы практически неотделимы от экономических структур и чуть ли не являются их элементами, а это прямо вытекает из концепции О. И. Шкаратана и Л. С. Перепелкина, то как же интересы экономики могут противоречить интересам этносов? Авторы уточняют, что имеют в виду экономическую эффективность «планируемого из центра территориального разделения труда», т. е. совсем «не ту» эффективность. В результате, однако, выходит непонятная игра слов. Экономическая эффективность или есть, или ее нет, а в данной статье, как и в предыдущей в журнале «Коммунист», которую я упоминал выше, очень убедительно показана как раз неэффективность сложившейся в СССР по вине центральных органов системы размещения производительных сил. Так против чего же выступают авторы — против волюнтаризма в управлении экономикой или против объективных процессов экономического развития, которые только и ведут к благосостоянию страны, народа и народов? Именно о последнем писал В. А. Тиш-

ков¹⁰, а ему возражают совсем по другому вопросу, который он вовсе не имел в виду.

Еще один аспект рассматриваемых теоретических проблем, как его определяют авторы, состоит в «ресурсной базе развития этносов». В нее авторы включают землю, почву, флору и фауну, полезные ископаемые, солнечную энергию, атмосферу и происходящие в ней явления, информацию и самого человека как «человеческий фактор производства» (с. 39—40). Казалось бы, все так, даже несмотря на то, что в другом месте статьи сказано о «специфической ресурсной базе» этносов (с. 42); неясно, в чем заключается специфика, если она включает почти все возможные виды ресурсов.

При ближайшем рассмотрении, однако, предложенное понимание ресурсной базы развития этноса не выглядит столь уж безукоризненным. Оно настолько комплексно, что исключает хотя бы постановку вопроса о сущности этноса, о специфических условиях его воспроизводства и развития по сравнению с другими видами социальных общностей. Некоторые же элементы «ресурсной базы» кажутся мне несколько курьезными. Спрашивается, какое отношение к развитию этноса имеют выпадение осадков или грозовые разряды? Не будем же мы всерьез говорить о том, что этносы впитывают мировую энергию, подзаряжаясь от небесного электричества! Вызывает возражение и определение человека как «фактора производства» и элемента ресурсной базы этноса. Полагаю, пора бы уже отказаться от взгляда на человека как на некий «фактор». Человек — это субъект исторического развития, а по мысли К. Маркса — и цель общественного производства. Бесмысленно, пусть и чисто условно, отрывать этнос и человека друг от друга, представлять этнос в качестве некой высшей субстанции, стоящей вне и выше абстрактного же человека.

Позволю себе также усомниться в правомерности постановки существования и развития этноса в зависимости от флоры и фауны, недр и качества почвы. О. И. Шкаратан и Л. С. Перепелкин пытаются аргументировать свою позицию, опираясь, как им кажется, на экологический подход, который, однако, является скорее квазиэкологическим. Не стану отрицать тесной связи этноса со средой обитания, однако эта связь никогда не выступает в виде односторонних и жестко-непосредственных отношений, и всегда в этногенетических процессах участвуют другие типы взаимосвязей, например межкультурные контакты и многое другое. У авторов же все гораздо проще: данная территориальная совокупность людей осваивает природную среду, вырабатывает общие приемы хозяйствования, единую культуру. «Так возникают новые этнические группы, а важнейшим маркером их появления является этноним» (с. 36). От внимания авторов ускользают далеко не второстепенные моменты. Каков был прежний этнокультурный облик «человеческой базы» этих новых этнических групп, и как он влиял на освоение данной среды? Почему в сходных природных условиях и даже на одной территории с одинаковыми природными условиями возникали разные этносы?

Авторы последовательно развивают свою концептуальную линию, говоря о «суверенитете национальных экономических комплексов» и «экономическом суверенитете народов» (с. 42, 44). Понятие «суверенитет» сегодня уже превратилось в пресловутый жупел, очень удобный для политического лоббизма. Суверенитет — это атрибут государства, а в более широком смысле — юридического лица. Какой же суверенитет может быть у экономики или у этносов?

Обосновав детерминированность этнического развития экономикой и всем прочим, что с ней связано, авторы делают следующий шаг к своей основной цели, состоящей в доказательстве прогрессивности принципа национальной государственности. Формулируется постулат о единстве этноса и территории, выражением чего «является тип хозяйственной деятельности и шире — вся культура жизнеобеспечения» (с. 38). Столь жестко связывать этносы с хозяйственно-культурными типами неправомерно в той же степени, как и с природной средой; во всяком случае ни эмпирические данные, накопленные наукой,

ни их интерпретация в научной литературе не дают к этому никаких оснований. В одном и том же хозяйственно-культурном ареале могут формироваться, существовать и развиваться несколько этносов, а с другой стороны, один и тот же этнос может формироваться, существовать и развиваться на основе нескольких хозяйственно-культурных типов.

Более сложен вопрос о сопряжении этноса и территории. Согласен с оппонентами в том, что территориальное ядро этноса выступает в качестве центра его воспроизводства. Не согласен, однако, с тем, что этническое ядро более способно к инновациям, чем этническая периферия (с. 37). Кстати, Ф. Энгельс и Н. А. Бердяев, на которых ссылаются О. И. Шкаратан и Л. С. Перепелкин, об этом ничего не писали. Именно на границах этнокультурных зон этнические процессы идут обычно более интенсивно, чем в этнических ядрах. Позволю себе — не в качестве аргумента, а сугубо для информации — обратить внимание оппонентов на резолюцию последней Всесоюзной конференции по проблемам этногенеза, в которой прямо указывается на ошибочность моноэтнического подхода к этногенетическим процессам¹¹. Этногенез отдельных народов нельзя рассматривать в однолинейном плоскоэволюционном и узлокальном плане. С наименьшим основанием этот принцип должен быть распространен и на изучение развития сформировавшихся этносов. Чтобы больше не возвращаться к упомянутой резолюции, приведу еще одно, чрезвычайно важное положение. «Методология этногенетических исследований основывается на диахронно-синхронном подходе, допускает альтернативность путей исторического развития (этногенетическая непрерывность и этногенетическая прерывность), асинхронность, относительную самостоятельность процессов этногенеза, культурогенеза, антропогенеза и глоттогенеза, опосредованный характер коррелирования этнической и политической истории, поливариантность сопряжения всех этих факторов, определяющих в конечном счете особенности формирования и развития этносов»¹². Иными словами, этническое рассматривается как особая сфера общественной жизни, не детерминируемая другими ее формами.

Вернемся, однако, к вопросу об этнической территории. Общность территории является обязательным условием этногенеза, но не существования сформировавшихся этносов. Дисперсность расселения этносов, этническая диаспора сегодня уже — правило, а не исключение. Это обстоятельство дает еще один повод задуматься о природе этнического и управляющих им законов, о соотношении этника и ЭСО.

О. И. Шкаратан и Л. С. Перепелкин однозначно отдают предпочтение этносоциальным организациям перед этникосами. «Вслед за Ю. В. Бромлеем, — пишут авторы, — мы рассматриваем ЭСО (или ядро этноса) как основную структурную единицу развития человечества» (с. 36). Почему-то, правда, при этом следует ссылка не на Ю. В. Бромлея, а на Б. В. Андрианова и все того же Н. А. Бердяева, причем явно неудачно. В приводимом высказывании последнего говорится, между прочим, о том, что «национальность есть индивидуальное бытие», и ничто не указывает на то, что Бердяев был провозвестником «ядерной теории» О. И. Шкаратана и Л. С. Перепелкина. Бердяева вообще нет смысла привлекать для подтверждения каких-либо рациональных умозаключений, потому что он ставил выше них мистику, интуицию, религиозную философию. Такие вещи, как прогресс, наука, социализм он считал предметами не знания (истинного, т. е. религиозного знания), а веры, предметами «невидимыми»¹³. «Пролетариат, например, — писал он, — такая же невидимая вещь как и *нация* (курсив мой — С. Ч.). Поэтому позволительно избрать нацию предметом своей *веры*». Впрочем, всему остальному Бердяев предпочитал веру в Царство Божие¹⁴. Поэтому записывать его в сторонники национальной государственности, «национальных экономических комплексов», «этнического суверенитета» и тому подобных иероглифов нашего сознания значит просто исказить мировоззрение этого мыслителя.

Ссылка на Б. В. Андрианова тоже неверна: в той статье, к которой обрати-

лись авторы, он вообще не упоминает ни ЭСО, ни сам вопрос о роли ЭСО *. Приходится также догадываться, что имеется в виду под «структурными единицами развития» — некие кванты исторического процесса? Это, впрочем, не более чем досадные издержки статьи, а более существенно то, как понимают авторы ЭСО.

Для ЭСО они считают первичными синхронные, а не диахронные связи; синхронные связи, по их мнению, — это прежде всего производственные отношения, а диахронные — это связи культурные (с. 36). В высшей степени показательное замечание, представляющее собой одно из главных положений всей концепции, на которых она держится. Итак, для этноса синхронные культурные связи будто бы имеют меньшее значение, чем производственные отношения; культурная и языковая преемственность, историческая память и т. п. играют меньшую роль, чем те же производственные отношения. До сих пор в этнографии существовала несколько иная точка зрения. Авторы, правда, говорят не об этносах, а об ЭСО, но по их мнению, ЭСО — это ядро и, видимо, носитель существенных свойств этноса. Этнос как специфическая форма объединения людей фактически исчезает, растворяясь в производственных отношениях. Перестает он быть и исторической общностью.

Допустим, что вся этнологическая теория ошибочна: сомневаться так сомневаться, к чему нас призывает диалектический метод познания. Но обратимся к практике. Взглянув на этническую карту мира достаточно крупного масштаба, мы едва ли согласимся с утверждением, что структурную основу человечества составляют ЭСО, если только не пренебречь такими «детальями», как наличие иноэтничного населения, этнических меньшинств в пределах территорий «этносоциальных организмов». Но тогда не надо заявлять о своей приверженности «многоцветию этнического состава человечества», о том, что это многоцветие есть выражение гуманизации современного мира (с. 36). Такой идеологизаторский подход тоже, думаю, чужд науке. Пусть с этническим многообразием разберутся история и сами народы, и не нужно мешать им, вменяя в обязанность государству сохранение этого многообразия (с. 38). А если уж говорить о гуманизме, к следованию которому призывают авторы, то выпячивание ЭСО в теории и политике и игнорирование всех малых народов, этнических групп и индивидов, которые не вписываются в построенную авторами структуру человечества, очень мало согласуется с гуманистическими идеалами.

Пойдем дальше. По мнению О. И. Шкаратана и Л. С. Перепелкина, если у этноса есть государственность, то он находится в стадии «зрелости», а если нет государственности, а самое главное, нет и возможностей для ее создания, то наступает «старение», неминуемо ведущее к его исчезновению (с. 37). Из данной гипотезы вытекает, что подавляющее большинство этносов, обитающих на земном шаре, давно уже состарились и агонизируют — с того самого момента, как возникло государство, ибо никогда человечество не представляло собой совокупности однопациональных государств. Следуя логике авторов, этот недостаток надо поскорее исправить. Видимо, нет особого смысла доказывать утопичность и реакционность подобных идей.

Отказываюсь комментировать парадоксальность следующего положения статьи: все существующие государства, в том числе СССР, рассматриваются авторами как варианты «чистой модели» национального государства (с. 37). За парадоксальностью формы стоит, однако, очередное искажение действительности. «Модель национального государства» существует не столько в реальном мире, сколько в воображении моих оппонентов. Мне известны только два исключения — СССР и Югославия, да и то в их конституциях субъекты федерации не определяются как национальные (этнические) государства. В СССР

---

* В сноску, кстати, вкралась ошибка. Статья, которую упомянули авторы, опубликована в 9-м, а не в 3-м номере журнала «Природа» за 1986 г. А в № 3 помещена другая статья Б. В. Андрианова «Неоседлое население: прошлое, настоящее и будущее», в которой тоже нет ничего на эту тему.

это понятие, раскрывающее формулу «социалистический федерализм», существует не в законодательных актах, а в научных трактатах, энциклопедиях, справочниках, а теперь и в программах национальных движений. Слышу возражение: дело не в юридических актах, а в том, какова практика. Практика же такова, что «национальное государство», согласно, например, западноевропейской традиции, вовсе не означает и не означало ни «моноэтническое государство», ни «государство для данного этноса»¹².

По совокуности всех изложенных аргументов О. И. Шкаратан и Л. С. Перепелкин формулируют свой главный теоретический вывод: национальное (т. е. моноэтническое) государство необходимо, политические границы должны совпадать с границами этнической территории (с. 39). Могу лишь выразить сожаление, что авторы не сочли нужным отреагировать на замечание о невозможности такого совпадения¹⁰, если, разумеется, не забывать об интересах населения, обитающего в зонах наложения этнических территорий, и о неизбежной угрозе возникновения взаимных пограничных претензий между «национальными государствами». В СССР такие претензии уже выдвигаются, и уже есть человеческие жертвы.

Концепция О. И. Шкаратана и Л. С. Перепелкиной появилась в результате осмысления авторами сугубо практических национально-политических проблем и имеет прежде всего практическое значение. Она служит для обоснования идей республиканского «хозрасчета», полного политического суверенитета союзных республик, превращения СССР из государства в союз государств. «При союзнических отношениях не центр должен предоставлять права суверенным республикам, а напротив — последние добровольно должны делегировать определенную часть своих суверенных прав центру на основе союзного договора и консенсуса всех республик» (с. 33). Таким путем действительно создавались некоторые объединения, например, США и СССР. Но нигде этот принцип не существует в виде постоянной правовой основы: во всех федеративных государствах действует правило верховенства федеральных законов. Это положение было записано уже в Конституции СССР 1924 г.

Предположим, однако, что мировой и наш собственный опыт организации государственной жизни безнадежно устарел. А что нам предлагают взамен? Фактически — дробление государства, но в этом нет ничего принципиально нового. Следует также понимать, что осуществление предложенного плана будет означать ликвидацию СССР, так как СССР — это не любая комбинация связей между республиками, а государство; государством он был и с момента его образования. Что придет ему на смену и придет ли вообще — совсем другой вопрос. Наконец, ложной представляется идея о том, что важно само объединение (неважно какое), а не тип объединения. Объединяются с какой-то целью, а от цели зависит и тип объединения. Абсурдно считать целью такое политическое образование, в котором его отдельные составляющие (республики) будут полностью независимы. Не надо объединяться и для того, чтобы иметь «суверенные» экономические системы. Впрочем, экстраполирование политического суверенитета на экономику вообще — явное недоразумение, как и положение о «республиканском самохозяйствовании на основе хозрасчетности, экономической самостоятельности основного звена народного хозяйства — предприятия» (с. 33). Формула «самохозяйствование центральных ведомств на основе хозрасчета предприятий» выглядела бы не более бесмысленной.

Концепция моих оппонентов имеет важное значение и для сферы межэтнических отношений. Построение национальных (этнических) государств на основе «этносоциальных организмов» возможно лишь при условии закрепления политического доминирования нескольких статусных наций в ущерб (что неизбежно) прочим этносам и этническим группам союзных республик. Придется отказаться и от надежды разрешить возникающие в ряде союзных республик межэтнические конфликты.

В основе концепции О. И. Шкаратана и Л. С. Перепелкина — смешивание разных функционально, по происхождению и сущности общественных структур: экономических, социальных, политических и этнических. Общество вообще исчезло, будучи поглощено этносоциальными организациями. Экономика превратилась в средство поддержания «этнического многоцветия». Государство из политической надстройки трансформировалось во всеобъемлющую систему и обязательное условие организации общественной жизни. А этнос полностью утратил свою родовую определенность, став малопонятной межродовой компонентой бытия — и даже не этнос, а его «этническое ядро». О человеке вообще не приходится говорить: на его долю, кажется, осталась лишь функция быть носителем тех или иных общественных структур.

Заслуживают ли, однако, авторы столь резкой критики? И да, и нет. Нет — потому, что их концепция должна в какой-то степени рассматриваться в качестве закономерного результата развития этнологической науки в СССР. В последнее время она развивалась под знаком комплексности. Организационно это выражалось в возникновении и целенаправленном создании различных пограничных дисциплин, а методологически — в стремлении познать этническое в точках его пересечения с другими общественными явлениями.

Ничего плохого в означенных тенденциях, конечно нет. Совершенствование методологии и методики научных исследований — вещь естественная и необходимая. Лишь бы наука оставалась наукой и продолжала заниматься познанием того, ради чего она и существует. Получилось же следующее. Нередко методика смежных дисциплин фактически возводится в методологию, и этнос тогда понимается то ли как производное от природной среды и способ ее освоения, то ли как форма выражения экономических отношений, то ли как косметическое средство, украшающее социальные структуры. Некритическое стремление к комплексности привело к тому, что сегодня вообще бывает трудно понять, что же мы изучаем. Этнос стал каким-то многофакторным и полифункциональным чудовищем, к которому страшно подступиться с любой стороны.

Некоторое время все это не имело существенного значения. «Традиционалисты» и «новаторы» занимались своим делом, время от времени сотрудничая в рамках «политики сдерживания». Однако теперь этнология оказалась перед необходимостью объяснить причины обострившихся национально-политических проблем, дать обществу концепцию их решения. Вот тут и обнаружился плод развития «этнопограничной теории», в одних случаях растаскивающей этнос (а вместе с ним и саму этнологию) по «дисциплинарным квартирам», а в других — превращающей его в нерасчлененный сгусток общественных структур.

Синтез научных знаний — это требование современного этапа развития науки. Но можно ли заниматься синтезированием без предварительного анализа? Может ли развиваться этнология, если она не стремится познать сущность, подчеркиваю, сущность этнического, его родовую специфику?

Примечания

¹ Перепелкин Л. С., Шкаратан О. И. Экономический суверенитет республик и пути развития народов (теоретическая дискуссия вокруг вопросов практической жизни) // Сов. этнография (далее — СЭ), 1989. № 4.

² Коротеева В. В., Перепелкин Л. С., Шкаратан О. И. От бюрократического централизма к экономической интеграции суверенных республик // Коммунист. 1988. № 15. С. 22—23.

³ Бромлей Ю. В. О разработке национальной проблематики в свете решений XIX партконференции // СЭ. 1989. № 1. С. 12; Чешко С. Экономический суверенитет и национальный вопрос // Коммунист. 1989. № 2. С. 97—105.

⁴ БСЭ. Т. 27. М., 1977. С. 23.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 74.

⁶ Там же. Т. 33. С. 53—54.

⁷ Там же. С. 72—73.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 239. Пометки В. И. Ленина см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 74.

⁹ Таболина Т. В. Этничность и общество: поиск концептуальных решений // Этнология в США и Канаде. М., 1989. С. 150.

¹⁰ Тишков В. А. Народы и государства // Коммунист. 1989. № 1. С. 58.

¹¹ Резолюция Всесоюзной научной конференции «Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана» (ноябрь 1988 г.) // СЭ. 1989. № 4. С. 140.

¹² Там же.

¹³ Бердяев Н. А. Философия свободы // Приложение к журналу «Вопросы философии». М., 1989. С. 39.

¹⁴ Там же. С. 40.

¹⁵ Подробнее об этом см.: Чешко С. В. Национальное государство или демократическая федерация? // Вестник АН СССР. 1990. № 1.

¹⁶ Чешко С. Экономический суверенитет и национальный вопрос.

© 1990 г.

Л. С. Перепелкин

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

(Ответ С. В. Чешко)

Хочу выразить глубокую признательность С. В. Чешко, взявшему на себя труд критически анализировать наши публикации. Не скажу, что мы удовлетворены формой ведения дискуссии: намеки на некомпетентность, попытки уличить в неверности ссылок¹, поучающий тон, наконец, почти что обвинение в разжигании межнациональной розни — все это вне правил научной полемики. Последняя предполагает состязательность идей, что особенно важно, если авторская концепция отвергается «в целом». Но С. В. Чешко избрал иной путь — педантичного подсчета наших мнимых и явных промахов, критики отдельных положений, часто искаженных в пересказе. Во многих случаях критика С. В. Чешко основана на неточном или ошибочном понимании тех научных проблем, которые составляют базу нашей концепции.

Чтобы не быть голословным, прокомментирую несколько положений автора по вопросам экономического развития. Такие, например: «Непонятно почему они (т. е. мы.— Л. П.) предполагают, что государство в принципе является институтом организации экономических отношений». «По существу авторы подменяют его (т. е. вопрос о характере производственных отношений и формах собственности.— Л. П.) вопросом о том, кто должен руководить экономикой внеэкономическими средствами: союзное государство или союзная республика».

С. В. Чешко пытается представить нас апологетами командно-административной системы в ее модифицированном варианте. А себя, соответственно, сторонником самого либерального экономического порядка. Однако «...любое правительство не только планирует, но и законодательно оформляет свой бюджет, структуру его распределения и действует затем в соответствии с утвержденным конгрессом планом. Участвует оно и в частных, смешанных и собственно государственных исследовательских долгосрочных проектах научно-технического развития, осуществляет прогнозирование научно-технического прогресса, финансирует те или иные „вековые“ проекты или структурные программы» (автор высказывания — наиболее последовательный сторонник денационализации экономики)².